

ния, но оказавшейся предельно неэффективной в условиях кризиса.

Главную роль в этой системе играло собственно государство с огромным бюрократическим аппаратом и его политической проекцией — партией «Единая Россия». Эта сила не была однородной — она объединяла приверженцев либерально-экономической модели и сторонников государственного вмешательства в экономику. В последние недели мы можем наблюдать усиление первых и ослабление вторых.

Второй основной игрок — **крупный бизнес** довольствовался в этой системе подчиненной ролью. Эра вмешательства крупного бизнеса в дела государства закончилась с арестом Михаила Ходорковского и показательным разгромом ЮКОСа. Одним из немногих инструментов, с помощью которых крупный бизнес доносил свои пожелания до власти, оставался РСПП. РСПП может стать в нынешних условиях стартовой площадкой для возвращения крупного бизнеса в большую политику.

Третий игрок, до настоящего времени находящийся в тени, — **пресловутый российский средний класс**. Показательно, что именно чрезвычайно уязвимый в социальном отношении класс обладает одновременно наибольшим интеллектуальным потенциалом и способен продуцировать идеи по поиску выхода из кризиса. Отчасти это связано с тем, что

многие представители этого класса были заняты в таких сферах, как СМИ, PR, реклама, консалтинг и т.д. При определенных условиях их энергия может быть направлена в протестное русло, что будет означать быструю и масштабную политизацию российского среднего класса. Причем в этом случае политизируется также мелкий и средний бизнес — пострадавшие от кризиса наемные профессионалы способны разработать концепции, более привлекательные для этого бизнеса, чем невнятные государственные инициативы.

«Модернизация» через столкновение

Перед каждым из трех игроков стоит одна и та же задача — спасти себя и вытащить страну из кризиса. Но задачу эту каждый из них будет решать по-разному.

Для бизнеса важно сейчас получить поддержку государства. Для государства — сохранить положение независимого арбитра в ситуации вероятного обострения классовых противоречий, когда в очередь за поддержкой будут выстраиваться лоббисты всех возможных социальных групп. Крупный бизнес попытается выдать собственные классовые приоритеты за общенациональные, государство, вероятнее всего, попытается не дать ему возможности показать себя «первым среди рав-

ных». Средний класс попадает в непростую развилку — он не заинтересован ни в уходе государства из экономики, ни в его выборочном присутствии в интересах наиболее сильных игроков.

В чем же тогда состоит его интерес? В прямо противоположном — в полномасштабном присутствии государства в экономике и в его демократизации. Оба этих устремления не слишком согласованы между собой, но они и составляют тот процесс, который за неимением других слов можно назвать «модернизацией».

Каждая из сил — и государственный истеблишмент, и крупный бизнес — имеют в запасе свой набор аргументов для среднего класса, чтобы привлечь его на свою сторону. И не исключено, что победа в виде политической поддержки достанется кому-то одному. Но нельзя исключать и формирование «третьей силы» в виде организованного леводемократического движения, ведомого какими-то «невписавшимися в дуумвират» политиками или бизнесменами.

Скрытое соперничество крупного бизнеса и партии власти за поддержку среднего класса может привести либо к его самостоятельному политическому позиционированию, либо к союзу с одряхлевшими и вроде бы стоящими в стороне от дискуссии левыми силами. А далее все будет зависеть от амбиций лидеров и их способности к компромиссу. ■

РЕЖИМ СЕРЕДНЯКА КАПИТУЛИРУЕТ? ЭТО ВРЯД ЛИ

Глеб Павловский

Те, для кого политика — только слухи, будто «в Москву в декабре приезжал сам Киссинджер» — те живут неполитикой, им можно позавидовать. В эпизоде нет ничего знаменательного: прожженный политик наведился к таким же прожженным, с предложениями, ясными им насквозь. Это рутинная, а не слабость, причем *политическая* рутинная.

В России есть политизации всякого рода. Некоторые, как путинская, начавшись давно, далеко зашли. Кого в 1999–2000 не цепляла

политическая сверхзадача — освободить Б.Н. Ельцина и Россию друг от друга — те неполитики, и они отошли прочь. Те, кто остались в политике, вступили в борьбу насмерть. Победили поставившие на избирателя, а избиратель призвал новичка Путина, которого знал по началу немногим лучше, чем шефа его штаба Дмитрия Медведева. Создание, сплочение и победа новой команды в 1999–2000 году были политическим шедевром.

В дальнейшем политизация означала *присоединение новичков* — к ядру

тех, кто давным-давно «самополитизировался» и, пойдя на риск, стал властью. Уже здесь начались разногласия: расширение коалиции большинства зовут «вытаптыванием поля» — какого поля? Дикого, «естественного»? В искусстве политике нет ничего естественного. Новичков отправляют в учебку, где реальных кнопок и рычагов власти не понажимаешь.

Зато старожилы их жмут всюю.

Политика в стране не прекращается ни на минуту. Кто не умеет в ней разбираться — неполитик, и не

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

сможет работать не только в нашей политике; ни в какой другой. (Недаром же ни один «несогласный» не стал игроком на политических сценах Запада и Востока — что уникально, если задуматься). Политику питают конфликты.

Я пишу эти заметки не оттого, что не вижу конфликтов, названных у Кирилла Бенедиктова и Бориса Межуева. Для авторов беда в том, что сумма политики мешает «эксперту» начать ее набело, вдохновенно взболтав страну. А я отклоняю русскую мечту о «политизации» как набеге в дикое поле, для сдачи неизвестно кому. Рассуждение о политике абсурдно вне контекста той *политики же*, в которой оно фактически присутствует.

Едва начав рассуждать о политике, мы изымаем из обзора все ее обращение, ее формы, ценности и институты. И только кризис, понятый как обнуление прошлого, расшевелил нашу вялость. Обнулению слава — «политика» возвращается! Политика возвращается, значит, пора сдаваться, вот кому бы? И кто в очереди крайний на сдачу?.. Весь русский «Государь» в самом сжатом очерке. О рисках этой манеры капитулировать столько писали Петр Чаадаев, Петр Струве и Георгий Федотов, что мне можно расслабиться.

Когда сердитое общество Девяностых взяло Кремль, оно, еще не зная Путина, считывало его ценности, признав в них свои. Ценностная встреча во власти, если вдуматься, — небывалая новость русской политической истории. У нас в политике праздники бывают редко. Таким вот

политическим праздником для средних слоев России — отверженных в Девяностые, разгневанных, окруженных и прижатых к кремлевской кладке — стал захват президентства большинством выборов 2000 года. Взяв президентское кресло, новое большинство захотело гарантий необратимости своей победы, немедленно реорганизовав политический режим. (Сегодня такой же свой праздник переживает молодая Америка, избрав Обаму—2008 — американскую версию Путина-2000) И уже в первый же путинский год — примерно ко времени инаугурации молодого Буша—2001, в России сложился новый политический режим, режим политического большинства. Он и определяет политические правила по сей день.

На следующий же день после выборов 2000 года началось создание нынешней системы правил политического руководства. Политическая задача, не так ли? В течение первого путинского года был сделан и ключевой политический выбор между а) ставкой на партийную систему и б) продолжением тренда департизации 1990-х.

Что предпочесть: *правление большинства посредством партии большинства*, среди младших «партий—сестер», или *популистскую диктатуру* *Одного над морем одномандатных общин* (ни одна из которых не является общиной и полностью разобщена)? Кем править Путина — *президентом-лидером*, с политической опорой на партию субъектов административного рынка — или *президентом-хозяином* тьмы лично верных одномандатников?

Создание партии «Единая Россия» стало ответом этой политической альтернативе. Выбрали модель лидерства, ставящего на союз бюрократии с провинциальной горожанской массой, крупным бизнесом и коммерческим пролетариатом. Отвергли модель «царя горы», срывающего меж собой левых, правых и центр. Рискованный выбор... но выбор. Какой-то выбор в политике ведь надо делать? Или не делать никакого — в условиях, когда нашу политическую подноготную изучал Шамиль Басаев, величайший эксперт по рискам?

Вопросы к власти, несомненно, есть. Почему бы не задать их — политически, публично? От имени класса, который поддерживает союз Путин—Медведев, сдав ему ключи от своей безопасности и будущего?

Российский «средний класс» не вчера пальцем сделан. Это грубый, жесткий правящий класс. Новое сословие практично привыкло к Кремлю, как к *союзнику и удобному орудью*: годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Благоприобретенное в путинские годы новый класс не принимает за дар судьбы и вершину счастья. Но отдавать — с какой стати? Кризис... ну и что «кризис»? В кризисе он видит не повод к сдаче, а **взиск режиму, спрос со своих**.

В разгар кризиса «путинский середняк» (это показывают все виды опросов) жестко вцепился в руководство Медведева—Путина. Так политизация это или нет? Политизация. *Его* политизация. Тогда не называйте «политизацией» собственный побег от политики — в стан выжидающих политической развязки.

Без того в политике много инертных масс. Масса носителей вчерашних заслуг превратились в рантье. Дружественно пристав к партии и наблюдая за борьбой в центре, «заслуженные болельщики» в острые дни были подмогой. Масса носителей чрезвычайщины Девяностых также переползли в матрас Нулевых.

Бояться ли власти слабости? **Большей политической проблемой для нынешней команды является не ее «слабость», а ее незаменимость.** Разве нормально, что власть настаивает на своей стратегии, не *настаивая публично на себе самой*, как единственной носительнице? У властного тандема — архитектура, выдерживающая публичное обоснование. Если упрекать ее, то — в *уклончивой самооценке*, в бюрократичной извинительности в вопросах ценностей — в симулируемом одиночестве. Из-за этого власть *выглядит* слабой, *не будучи* таковой.

Политическая команда Медведева—Путина так срослась с обиходом средних слоев России, что вопрос теперь — в ее воле к прямому самоутверждению. Ценностному и публично-правовому — политическому самоутверждению. Здесь и поищем ключей к новой *анти- и посткризисной русской политике*. ■